

СИГИЗМУНД ДОМИНИКОВИЧ

КРЖИЖАНОВСКИЙ

СИГИЗМУНД ДОМИНИКОВИЧ

КРЖИЖАНОВСКИЙ

Возвращение Мюнхгаузена

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К81

Серия «Русская классика»

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фрей*

Кржижановский, Сигизмунд Доминикович.
К81 Возвращение Мюнхгаузена : [сборник] / Сигизмунд Доминикович Кржижановский. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Русская классика).

ISBN 978-5-17-192617-5

В повести «Возвращение Мюнхгаузена» знаменитый барон и выдумщик вновь отправляется в приключение. Иероним фон Мюнхгаузен совершает немыслимый прыжок во времени — в начало двадцатого века. Его фантазии предстоит потягаться с новыми суровыми порядками общества: прагматичностью и системностью. Но это его не страшит, поэтому он снова седлает ядро и, оказавшись в самой гуще исторических событий, отправляется изучать Советский Союз.

В издание также вошли повесть «Странствующее „Странно“» и авторский сборник «Чужая тема».

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-192617-5

© ООО «Издательство АСТ», 2026

ВОЗВРАЩЕНИЕ
МЮНХГАУЗЕНА

Глава I

У всякого барона своя фантазия

Прохожий пересек Александерплац и протянул руку к граненым створам подъезда. Но в это время из звездой сбежавшихся улиц кричащие рты мальчишек-газетчиков:

— Восстание в Кронштадте!

— Конец большевикам!

Прохожий, сунув плечи от весенней зяби, сунул руку в карман: пальцы от шва до шва — черт, ни пфеннига. И прохожий рванул дверь.

Теперь он подымался по стлани длинной дорожки; вдогонку, прыгая через ступеньки, грязный след.

На повороте лестницы:

— Как доложить?

— Скажите барону: поэт Ундинг.

Слуга, скользнув взглядом со стоптанных ботинок посетителя к мятой макушке его рыжего фетра, переспросил:

— Как?

— Эрнст Ундинг.

— Минуту.

Шаги ушли — потом вернулись, и слуга с искренним удивлением в голосе:

— Барон ждет вас в кабинете. Пожалуйста.

— А, Ундинг.

— Мюнхгаузен.

Ладони встретились.

— Ну вот. Придвигайтесь к камину.

С какого конца ни брать, гость и хозяин мало походили друг на друга: рядом — подошвами в каминную решетку — пара лакированных безукоризненных лодочками туфель и знакомые уже нам грязные сапоги; рядом — в готические спинки кресел — длинное с тяжелыми веками, с породистым тонким хрящем носа, тщательно пробритое лицо и лицо широкоскулое, под неряшливыми клочьями волос, с красной кнопкой носа и парой наевившихся ресницами зрачков.

Двое сидели, с минуту наблюдая пляску синих и алых искр в камине.

— На столике сигары, — сказал наконец хозяин. Гость вытянул руку: вслед за кистью поползла и мятая в цветные полосы манжета; стукнула крышка сигарного ящика — потом шорох гильотинки о сухой лист, потом серый пахучий дымок.

Хозяин чуть скосил глаза к пульсирующему огоньку.

— Мы, немцы, научились обращаться даже с дымом. Глотаем его, как пену из кружки, не дав докружить и постлаться внутри чубука. У людей с короткими сигарами в зубах и фантазия кургуза. Вы решите...

Барон, встав, подошел к старинному шкафу у стены, остро тенькнул ключик, резные тяжелые створы распахнулись — и гость, повернувшись глазами и огоньком вслед, увидел: из-за длинной и худой спи-

ны барона на выгибах деревянных крючьев шкафа старый, каких уже не носят лет сто и более, в потертом шитье камзол; длинная шпага в обитых ножнах; изогнутая в бисерном чехле трубка; наконец, тощая, растерявшая пудру косица, срезом вниз — бантом на крюке.

Барон снял трубку и, оглядев ее, вернулся на старое место. Через минуту кадык его выпрыгнул из-под воротничка, а щеки вытянулись внутрь навстречу дыму, переползавшему из чубука в ноздри.

— Еще меньше мы смыслим в туманах, — продолжал курильщик меж затяжками, — начиная хотя бы с туманов метафизических. Кстати, хорошо, Ундинг, что вы заглянули сегодня: завтра я намереваюсь нанести визит туманам Лондона. Заодно и живущим в них. Да, белесые флеры, поднимающиеся с Темзы, умеют расконтуривать контуры, завуалировать пейзажи и мирозерцания, заштриховать факты и... одним словом, еду в Лондон.

Ундинг встопорщил плечи:

— Вы несправедливы к Берлину, барон. Мы тоже кой-чему научились, например: эрзацам и метафизике фикционализма.

Но Мюнхгаузен перебил:

— Не будем возобновлять старого спора. Кстати, более старого, чем вам мнится: помню, лет сто тому назад мы проспорили всю ночь с Тиком на эту тему, правда, в иных терминах, но меняет ли это суть? Он сидел, как вот вы, справа от меня и, стуча трубкой, грозился ударить снами по яви и развеять ее. Но я напомнил ему, что сны видят и лавочники, а ве-

ревка под лунным светом хотя и похожа на змею, но не умеет жалить. С Фихте, например, мы пререкались куда меньше: «Доктор, — сказал я философу, — с тех пор, как „не-я“ выпрыгнуло из „я“, ему следует почаще оглядываться на свое „откуда“». В ответ герр Иоганн вежливо улыбнулся.

— Разрешите мне улыбнуться не столь вежливо, барон. Это противится критике не больше, чем одуванчик ветру. Мое «я» не ждет, когда на него оглянется «не-я», а само отворачивается от всяческих не. Так уж оно воспитано. Моей памяти не дано столетий, — поклонился он в сторону собеседника, — но нашу первую встречу, пять недель тому, я как сейчас помню и вижу. Доска столика под мрамор, случайное соседство двух кружек и двух пар глаз. Я — глоток за глотком, вы же сидели не касаясь губами стекла, и только изредка — по вашему кивку — кельнер на место невыпитой рюмки приносил другую, остававшуюся тоже не выпитой. Когда хмелем чуть замглоло голову, я спросил, что вам, собственно, надо от стекла и пива, если вы не пьете. «Меня интересуют лопающиеся пузырьки, — отвечали вы, — и когда они все лопнут, приходится заказывать новую порцию пены». Что ж, всякий развлекается на свой лад, мне вот в этой жиге нравится ее поддельность, суррогатность. Пожав плечами, вы оглядели меня — напоминаю вам это, Мюнхгаузен, — как если бы и я был пузырьком, прилипшим к краю вашей кружки...

— Вы злопамятны.

— Я внимателен на всякое: до сих пор еще в моем мозгу кружит пестрая карусель, завертевшаяся там, у двух

сдвинутых кружек. Мы пересекали с вами моря и континенты с быстротой, опережающей кружение земли. И когда я, как мяч меж теннисных ракеток, перешвыриваемый из стран в страны, из прошлого в грядущее и отбиваемый назад в прошлое, выпав случайно из игры, спросил: «Кто вы такой и как вам могло хватить жизни на столько странствий?» — вы — с учтивым поклоном — назвали себя. От поддельного пива и опьянение поддельно и запутывающе, реальности лопаются, как пузыри, а фантазмы втискиваются на их место — вы иронически качаете головой? Но знаете, Мюнхгаузен, — между нами — как поэт я готов верить, что вы — вы, но как здравомыслящий человек...

В разговор всверлился телефонный звонок. Мюнхгаузен протянул длиннопалую руку, с овалом лунного камня на безымянном, к аппарату:

— Алло! Кто говорит? А, это вы господин посол? Да-да. Буду через час.

И трубка легла на железные вилки.

— Видите ли, любезный Ундинг, признание поэтом моего бытия мне чрезвычайно льстит. Но если бы вы даже перестали верить в меня, Иеронима фон Мюнхгаузена, то дипломаты не перестанут. Вы подымаете брови: почему? Потому что я им необходим. Вот и все. Бытие де-юре, с их точки зрения, ничем не хуже бытия де-факто. Как видите, в дипломатических пактах гораздо больше поэзии, чем во всех ваших виршах.

— Вы шутите.

— Ничуть: на жизнь, как и на всякий товар, спрос и предложение. Неужели вас не научили этому газе-

ты и войны? И состояние политической биржи таково, что я могу надеяться не только на жизнь, но и на цветущее здоровье. Не торопитесь, друг мой, зачислять меня в призраки и ставить на библиотечную полку. Да-да.

— Что ж, — усмехнулся поэт и оглядел длинную, с локтями на поручнях кресла, фигуру собеседника, — если акции мюнхгаузиады идут вверх, я, пожалуй, готов играть на повышение: до степени бытия включительно. Но меня интересует конкретное как. Конечно, я признаю некую диффузию меж былью и небылью, явью в «я» и явью в «не-я», но все-таки как могло случиться, что вот мы сидим и беседуем без помощи слуховой и зрительной галлюцинации. Мне это важно знать. Если в слове «друг», подаренном вами мне, есть хоть какой-нибудь смысл, то...

Мюнхгаузен, казалось, колебался.

— Исповедь? Это скорее в стиле блаженного Августина, чем барона Мюнхгаузена. Но если вы требуете... только разрешите хоть изредка, иначе я не могу, из тины истины — в вольный фантазм. Итак, начинаю: представьте себе этакий гигантский циферблат веков; острие его черной стрелы — с деления на деление — над чередой дат; сидя на конце стрелы, можно разглядеть проплывающие снизу: 1789—1830—1848—1871 — и еще, и еще, — у меня и сейчас еще рябит в глазах от бега лет. Теперь вообразите, любезный друг, что ваш покорный слуга, охватив коленями вот эту самую, повисшую над сменой годов (и всего, что в них) стрелу, кружит по циферблату времени. Да, кстати, крючья шкафа, который я забыл запереть,

помогут вам увидеть тогдашнего меня яснее и детальнее: коса, камзол, шпага, свесившись над циферблатом, качается от толчков. А толчки стрелой о цифры все сильнее и сильнее: на 1789-м крепче стискиваю колени, на 1871-м приходится и руками, и ногами за края стрелы, но с 1914-го тряска цифр делается невыносимой; ударившись о 1917-й и 1918-й, теряю равновесие и, понимаете ли, сверкнув пятками, вниз.

Навстречу — сначала неясные, потом вычелчивающиеся сквозь воздух пятна морей и континентов. Протягиваю руку, ища опоры, — воздух, и ничего кроме воздуха. Вдруг — удар о ладони, сжимаю пальцы — в руках у меня шпиль, представьте себе, обыкновенный, как игла над наперстком, надкупольный шпиль. Над головой — в двух-трех футах — флюгер. Подтягиваюсь на мускулах. Легким ветерком флюгер поворачивает из стороны в сторону — и я могу спокойно оглядеть распластавшуюся под моими подошвами в двух-трех десятках метров ниже землю: радиально расчерченные дорожки, мраморные марши, стриженные шеренги деревьев, прозрачные гиперболы фонтанных струй — все это как будто уж знакомо, не в первый раз. Скольжу по шпилью вниз и, усевшись на дымовой трубе, внимательно оглядываю местность: Версаль, ну конечно же. Версаль, и я на краю Трианона. Но как сойти? Упругие пары дыма, скользящие по моей спине, подсказывают мне простой и легкий способ. Напоминаю: если я теперь, так сказать, оброс и приобрел некоторую весомость, то в тот первый дебютный день я был еще немногим тяжелее дыма — и я ныряю в дымовой поток, как во-

долаз в воду, и, плавно опускаясь, я вскоре у дна, то есть, отбрасывая метафоры, внутри камина, такого же, как вот этот (лакированный тувель рассказчика ткнул носком в чугунную решетку, огни за которой уже успели оттлеть). Я огляделся — никого. Вышагнул наружу. Камин находился, если судить по заставленным книгами и папками длинным сплошным полкам, в библиотеке дворца. Я прислушался: за стеной шум сдвигаемых кресел, потом тишина, размеченная лишь дробным стуком маятника, потом заглушенный стеной чей-то ровный шаркающий по словам, как тувели по половицам, голос. Мне, человеку, свалившемуся со стрелы на циферблат, конечно, еще не было известно, что это одно из заседаний Версальской конференции. На библиотечном столе картотека, последние номера газет и папки с протоколами. Я тотчас же погрузился в чтение, быстро ориентируясь в политическом моменте, когда вдруг за стеной — шум раздвигаемых стульев, смутные голоса и чей-то шаг к порогу библиотеки. Тут я... нет, видно, еще раз придется навестить старый шкаф.

И Эрнст Ундинг, наклонившийся всем корпусом навстречу рассказу, следил нетерпеливыми глазами, как барон, прервав рассказ, не торопясь, приблизился к торчавшим из глубины шкафа крючьям и опустил руку в топорщащийся карман старинного камзола.

— Ну вот, — повернулся Мюнхгаузен к гостю. В протянутой его руке алело сафьяном небольшое в золотом обрезе с кожаными наугольниками ин-октаво. Вот вещь, с которой я редко расстаюсь. Любуйтесь: первое лондонское издание еще 1783-го года.

Он отогнул ветхий истертый переплет. Зрочки Ундинга, вспрыгнув на титулблат, скользнули по буквам: «Рассказы барона Иеронима фон Мюнхгаузена о его чудесных приключениях и войнах в России». Переплет захлопнулся, и книга поместилась рядом с рассказчиком на разлапистой ручке кресла.

— Боясь прослыть за шпиона, неизвестно как подбравшегося к дипломатическим тайнам, — продолжал Мюнхгаузен, снова отыскав подошвами край каминной решетки, — я поспешил спрятаться: открыв свою книгу — вот так, — я насутулился, подобрал ноги к подбородку, голову в плечи, сжался, сколько мог, и впрыгнул меж страниц, тотчас же захлопнув за собой переплет, как вы, скажем, захлопываете за собой дверь телефонной будки. В этот миг шаги переступили порог и приблизились к столу, на котором, сплющившись меж шестьдесят восьмой и шестьдесят девятой страницами, находился я.

— Должен вас перебить, — привскочил с кресла Ундинг. — Как вы могли укоротиться до размеров вот этой книжечки? Это во-первых, а...

— А во-вторых, — ударил ладонью по сафьяну барон, — я не терплю, когда меня перебивают... и в-третьих, плохой же вы, клянусь трубкой, поэт, если не знаете, что книги, если только они книги, иногда соизмеримы, но никогда не соразмерны действительности!

— Допустим, — пробормотал Ундинг. И рассказ продолжался.

— Случаю было угодно, что человек, чуть не заставший меня врасплох (кстати, это был один из онеров трепаной дипломатической колоды), привел и себя, и меня к новому расплоху: пальцы дипломатического